

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(47)353.2
DOI: 10.17223/19988613/56/1

А.А. Борисов

ЯКУТСКИЕ ДЕПУТАЦИИ И ИНОРОДЧЕСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КАК ОДНА ИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ (КОНЕЦ XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РНФ в рамках реализации проекта «Исторический опыт управления этническим разнообразием и этноконфессиональными конфликтами в имперской, советской и постсоветской России: междисциплинарное исследование» (грант № 15-18-00119).

Статья посвящена проблеме возникновения инородческого законодательства «степных законов» на примере якутов. Впервые в историографии рассматривается проблема в контексте якутских депутатий 1789–1840-х гг., выделяются три этапа в истории этих поездок. На основании ранее малоизвестных архивных материалов изучается формирование корпуса «степных законов», получившего название «Свод законов кочевых инородцев Восточной Сибири». Депутации влияли на возникновение инородческих законов, которые были признаны правительством. Происходил поиск оптимальных форм управления, что представляет собой бесценный исторический опыт.

Ключевые слова: Российская империя; северо-восток; якутские депутатии; инородцы; законотворчество; «степные законы».

В конце XVIII в. Россия по праву стала называться империей. Петр I официально провозгласил себя императором, но страна, в целом, еще только переживала период становления в качестве имперского государства. Территория еще не приобрела своей максимальной по размеру конфигурации хотя бы в пределах северных и южных морей. На Дальнем Востоке Россия только обозначила свое присутствие. Именно в ближайшее послепетровское время, вплоть до царствования Екатерины II, шел этот процесс. Совершенствовалась система имперского управления, начатая реформами Петра Великого. Губернская реформа 1775 г. заложила мощные основания, которые продержались до конца существования империи. Развивалась и закреплялась сословная система организации населения. Закладывались основания и для юридического статуса нерусского населения в составе империи.

Патерналистская монархия как модель управления государством и *имперский этнопатернализм* как модель управления национальными окраинами и этноконфессиональным разнообразием, основы которых заложены были еще в XVII в., получили дальнейшее развитие и к концу в XVIII в. обрели законченные черты [1. Т. 1. С. 113–139, 144; 2. Т. 2. С. 374–394]. Юридический плюрализм являлся составным элементом обеих моделей: на него опиралось управление как ядром империи, так и периферией [1. Т. 1. С. 130–139; 2. Т. 2. С. 145, 597, 616]. Какова была его эффективность в условиях изменяющейся российской действительности, предстояло выяснить на практике.

В результате успешной внешней политики в составе России оказались обширные национальные территории на западе (польские земли, Украина) и на юге (Крым,

часть Грузии), на востоке (казахские жузы, алтайцы, буряты, хакасы). В историографии рассмотрены и обобщены основные вехи становления политико-административного управления этими территориями [3]. Сибирь после присоединения кочевников – тюрок и монголов Саяно-Алтая – обрела границы, которые уже оставались практически неизменными в последующие столетия. Происходила внутренняя колонизация этих земель. Их интеграцию в империю необходимо было оформить и закрепить законодательно.

В течение столетия имперская политика сделала зигзаг от прагматичной московской политики в сторону систематизации и унификации и вновь возвратилась к традиционной политике при Екатерине II [4. С. 47].

Интерес представляет тот факт, что сами объекты имперской этноконфессиональной политики – иноземцы и иноверцы – активно участвовали в данном процессе. Формой участия стали депутатии представителей национальных элит. Широко известны депутатии башкирских, калмыцких, казахских биев и тайшей. Эти депутатии сопровождали процесс присоединения степных народов в состав Русского государства. Якуты же еще в середине XVII в. стали подданными русского царя. Во второй половине XVII в. якуты имели возможность обращаться напрямую к верховной власти Русского государства. Тогда сложилась непростая ситуация с уплатой ясака из-за падения соболиных промыслов и накоплением ясачных недоимок. Кроме того, якутские князцы стремились вернуть полноту своих судебных полномочий внутри родовых групп и волостей-улусов. Известно, по крайней мере, три депутатские поездки якутских князцов названного времени.

Поездки якутских депутатов, начиная с Алексея Аржакова (1789 г.), носили иной характер. Это была инициатива самих якутов. Они также имели цель внести изменения в законодательство относительно ясачных иноверцев (инородцев). Интересно, что якуты, начиная, по меньшей мере, с середины XVIII в., отслеживали и собирали все указы и узаконения, касающиеся их и изданные в разное время. Эти документы переписывались и оформились в некое подобие собрания законов – «Выписку о ясашных». Она, судя по всему, носила практический характер и использовалась в жизни.

Поставленная проблема в историографии ранее решалась в разных аспектах: в контексте национального движения якутов, ясачной политики царского правительства, правового положения ясачного населения Восточной Сибири, инородческого самоуправления [5. С. 328–329; 6. С. 122–123; 7. С. 150–151; 8. С. 49–55; 9]. Сейчас настало время рассмотреть тему и в аспекте этноконфессиональной политики Российской империи.

Думается, что предпосылки якутских депутатов конца XVIII – первой половины XIX в. в первую очередь нужно искать среди последствий реформ правительства Екатерины II. Так, результатом административной реформы 1775 г. стал «сильный и разветвленный аппарат управления», созданный на местах [10. С. 491], и потому явственно возникла необходимость приспособить и существовавшую систему управления национальных окраин. Губернаторы сосредоточили огромную власть на местах, впервые был создан «совестный суд» [11. С. 323–329].

Согласно новому административному устройству Иркутской губернии «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» от 7 ноября 1775 г. и царских указов от 2 и 6 марта 1783 г., Якутск стал центром области во главе с комендантом [12. С. 229–304; 13. С. 873, 875]. Вместо комиссаров были учреждены нижние земские суды, исправники и заседатели. Увеличившийся бюрократический штат создал новые трудности в судебных разбирательствах в отношении нерусского населения на местах.

Также следует указать на экономические предпосылки, вызвавшие депутатские инициативы якутов. В частности, они стали тяготиться некоторыми достаточно тяжелыми повинностями, которые не имели под собой законного основания (лодочная повинность, трактовый извоз и содержание станций). Избавившись от жесткого полицейского контроля при сборе ясака и перехватив из рук ясачных сборщиков эту важную функцию, представители правящей элиты – тойоны-князцы – задумались над своим местом в сословной структуре империи. Поскольку менялся конфессиональный статус, то и их властные полномочия должны были измениться. Кроме того, все более явственно ощущалось воздействие других экономических факторов, таких как развитие товарно-денежных отношений. К этим изменениям тоже нужно было приспособиться.

Начиная с конца XVIII в. выборные от якутов депутаты сами разрабатывали предложения, которые могли

быть оформлены в инородческое законодательство. Это было важным явлением в истории этноконфессиональной политики страны. Депутаций было много, из них, по меньшей мере, пять были организованы на высшем уровне (на уровне личных аудиенций с русскими императорами). Одна депутация, организованная на рубеже 1820–1830-х гг., не состоялась. Позднее были попытки действовать через генерал-губернаторов Восточной Сибири и других крупных сановников. Можно выделить три этапа на протяжении более чем полувекового исторического процесса. *Первый, подготовительный этап* начался в 1789 г. с «Плана о якутах» борогонского головы Алексея Аржакова и продолжался до 1811 г., когда созрели предпосылки для реформ сибирского законодательства. *Второй этап* связан с сибирскими реформами, начатыми иркутским губернатором Н.И. Трескиным и завершившимися преобразовательной деятельностью М.М. Сперанского в середине 1820-х гг. *Третий этап* приходится на 1829–1840-е гг. В это время происходит борьба за продолжение реформ, за утверждение «степных законов».

Первый этап (1789–1811 гг.). В 1789 г. состоялась поездка А. Аржакова в Санкт-Петербург. Считается, что это была личная инициатива головы Борогонского улуса, но, судя по всему, за ним стояли и другие предводители якутов. Ему удалось добиться аудиенции у императрицы Екатерины II. Он представил особый «План о якутах» – комплекс предложений по улучшению положения якутов. Проект содержал следующие законодательные инициативы: предоставление прав дворянства якутским тойонам; учреждение должности областного якутского предводителя; учреждение совместного якутского суда в составе областного головы, князцов из тех улусов, из которых истец и ответчик и приказных служителей; освобождение якутов от лодочной повинности, переложив ее на уголовных преступников; освобождение от подводной повинности и содержания притрактовых станций, которые могли бы содержать русские крестьяне и преступники из числа якутов; назначение исправниками лиц, знающих язык и обычаи якутов; учреждение школы для якутов за счет казны; отмена земельных переделов и закрепление расчищенных земель за теми, кто их расчистил [14. Л. 11–16].

Обратим внимание, что перечисленные пункты определяют деятельность последующих депутатов на протяжении почти полувека. Появление многочисленных полицейских низовых структур по итогам губернской реформы 1775 г. было невыгодно для якутов, поэтому, по мысли А. Аржакова областной предводитель якутов должен был подчиняться непосредственно наместнику. Предоставление якутским князцам прав дворянства и введение совместного суда заметно расширили бы права якутского населения в законодательном пространстве России, тем самым был бы сделан шаг в сторону их дальнейшей интеграции. Остальные пункты служили облегчению экономического положения якутов и также требовали юридической поддержки.

Государственный совет 1 октября 1789 г. рассмотрел «План» и отказал в выборе областного головы и учреждении совестного суда, но Екатерина II решила иначе. В указе от 19 января 1790 г. сибирскому наместнику И.А. Пилу было приказано дозволить выбор предводителя согласно «Положению» о дворянстве [15. С. 108], завести училище [16. Л. 11 об.], устроить словесный суд как в «Городовом положении» о исправниках». Действительно, хоть и не все сразу, но повеление императрицы последовательно исполнялось. В 1792 г. прошли выборы первого якутского предводителя, а в 1801 г. открылось упомянутое училище. Вопросы о преобразовании судопроизводства у якутов, а также об условиях казенных перевозок по трактам будут не раз обсуждаться на разных уровнях. О них будут напоминать последующие депутации якутов. Кроме того, в Якутии практика выдачи расчищенных участков на срок от 10 до 40 лет началась в следующем столетии.

Современником А. Аржакова был кангаласский князец Илья Шадрин. Этому энергичному и необычному человеку удалось как минимум дважды побывать в столице и встретиться вначале с Павлом I (1797), а затем с Александром I (1812). Кроме того, он многократно бывал в Иркутске в качестве избранного от имени якутов разных улусов депутата. Например, во время поездки И. Шадрина в 1796 г. в прошении князца говорилось о поставках на трактах в период деятельности экспедиции И. Биллингса (1785–1795 гг.). Вероятно, вследствие этого уже в 1797 г. А. Аржаков, П. Сивцев, И. Шадрин впервые договорились в Иркутске о подрядах на Охотском тракте [5. С. 314]. Известна также поездка И. Шадрина с князем Богдашкой (сыном бывшего депутата С. Сыранова) в 1799 г. в Санкт-Петербург. Основной целью поездки было представиться новому императору. Конечно же, депутаты не преминули воспользоваться случаем и вновь рассказать новому императору о нуждах земляков [17].

В 1802 г. предводители четырех якутских улусов снабдили своего депутата борогонского голову Семена Васильева особой «Доверенностью» [18. Л. 4]. В коллективном прошении содержалась просьба ввести в действие оставшиеся не реализованными положения «Плана о якутах». В том же году намский голова Павел Сивцев также напомнил об основных пунктах «Плана» и особо просил облегчить условия казенного извоза [9. С. 93, 95]. Интересно, что 19 июля 1803 г. сам Александр I поручил сибирскому генерал-губернатору И.О. Селифонтову разобрать дело. В 1808 г. вновь намский голова Р. Жирков и наследный князец И. Шадрин, находясь в командировке в Иркутске, обсуждали эти условия. В результате в 1810 г. было решено осуществлять перевозки на условиях подряда [9. С. 94]. Таким образом, на протяжении десятилетий регулировались порядок и условия сообщения: поставки, почтовая гоньба, содержание почтовых станций по Иркутскому и Охотскому трактам. Особый интерес правительства к этому делу, несомненно, объяснялся страте-

гическим значением трактов на путях страны на Дальний Восток.

Второй этап (1811 – середина 1820-х гг.). С течением времени наступил момент, когда необходимость регулирования инородческого законодательства на уровне общепринятых законов должна была реализоваться на практике. В 1811 г. якутские князцы И. Шадрин и П. Сивцев, будучи в Иркутске, подняли вопрос о наследственности в выборе князцовых должностей. Дело в том, что к этому времени обострилась борьба между старой инородческой знатью – потомками прежних князцов и вновь выдвинувшейся благодаря торговле и подрядам на трактовых перевозках неродовитой знатью. Аналогичная ситуация складывалась в то время и в практике управления иркутскими бурятами. Вследствие чего иркутский гражданский губернатор Н.И. Трескин инициировал специальное «Положение о сельском и инородческом управлении» (указ от 9 августа 1812 г.), закрепивший наследственность при назначении на должности князцов [5. С. 257–258; 19. С. 304]. Необходимый законотворческий процесс был запущен.

Следующая депутатская поездка князца И. Шадрина в 1812 г., в ходе которой он удостоился встречи с императором Александром I [20], имела следствием издание указа об освобождении якутов от почтовой гоньбы. Отныне она целиком перешла в руки русских крестьян, расселенных вдоль трактов. Таким образом, в результате депутатских поездок И. Шадрина и его коллег началась разработка целого ряда узаконений, касающихся прав инородческой знати, а также условий обслуживания притрактового сообщения.

На повестке стоял вопрос о систематизации и утверждении комплекса законов об инородцах Сибири в целом и якутов в частности. Эту миссию выполнил в 1819–1821 гг. выдающийся государственный деятель М. Сперанский на посту сибирского генерал-губернатора. Одной из составляющих проведенной большой работы стал сбор сведений о законах, по которым управлялись сибирские инородцы [21. С. 18]. Изданный в 1822 г. «Устав об управлении инородцев» содержал общие положения по управлению и де-юре допускал применение норм обычного права. Тем временем сбор необходимых сведений продолжался, так как власти нуждались в знании обычаев, по которым управлялись инородцы, а кроме того, сами инородцы и, прежде всего, избранные от них депутаты понимали значение официально утвержденных инородческих законов. Ведь на местах некоторые недобросовестные царские чиновники, поскольку таких законов не было, пользуясь этим, нередко злоупотребляли. В целом неопределенность в законодательной сфере порождала волокиту, тратились большие средства при возникающих спорах, когда одна сторона апеллировала к русским законам, а другая стояла на нормах обычного права. Не все ясно было в степени компетенции и полномочий между органами государственной власти и инородческими властными структурами.

24 августа 1823 г. были составлены «Объяснения якутов Якутской области о законах и обычаях их» улусными головами Якутского округа, представленные иркутским властям [22. С. 660–706]. По-видимому, поступивший на рассмотрение иркутской администрации документ не удовлетворял необходимым требованиям. Поэтому не случайно депутация в составе якутских выборных князцов Ивана Мигалкина, Николая Рыкунова, Саввы Кириллина в 1824 г. привезла в Иркутске новый «проект», озаглавленный «О законах и обычкновениях, издавеле существующих у якутов Якутской области и округи» [23. Л. 1–54]. Источниками для составления этого сборника законов и правил, как написано в преамбуле, послужили «древние изустные предания», «Инструкция, выданная пограничным дозорщикам Фирсову и Михалеву» графа С.Л. Владиславиича-Рагузинского 22 июля 1728 г., «предписания» и «правила» Ясачной комиссии 1767 г., решения присутственных мест, основанные на российских законах.

Оба документа легли в основу «Устава» 1822 г. и особого «Свода законов кочевых инородцев Восточной Сибири». Два документа разделяет почти год, но если сравнить их, то видна большая работа, проведенная тремя выборными депутатами. Во-первых, если в первом было 57 статей, то во втором только 31. Очевидно, что произошел отбор наиболее важных статей. Кроме того, статьи сгруппированы по степени важности. Так, если в первом сразу после первой статьи о жертвоприношении следуют статьи о шаманстве, многоженстве и калыме, то во втором они отошли во второй десяток статей, зато появились в первых рядах статьи о составе управления, об определении к должности, о содержании степного управления, о судопроизводстве и т.д. Во-вторых, была проведена значительная редакционная работа. Если в первом варианте некоторые законы и правила разбросаны и разобщены, то во втором они упорядочены и объединены в более крупные по содержанию статьи. Это касается, прежде всего, статей об управлении и судопроизводстве. Более выверены и обстоятельны, казалось бы, повторяющиеся в обоих документах статьи. Например, если сравнить статьи об обиде и оскорблении, соответственно, 9-ю в «Объяснениях...» и 15-ю в «О законах...», видно более подробное изложение законов и обычаев во втором случае. Так, в первом варианте статья состоит всего из восьми пунктов, а во втором варианте — из 12. Объяснения их более пространны и полны во втором случае.

В-третьих, «Объяснения...» 1823 г. содержали элемент прошения, в которых авторы просили внести изменения в старые правила или дать новые узаконения. Например, укажем на статью 11 о «наследственном преемстве княжеского и старшинского достоинства». В ней на основе преданий о происхождении якутских тойонов и ссылками на указы Петра I и Екатерины II довольно пространно обосновывались старинные права князцов.

Основной смысл обоих документов состоял в максимальном приспособлении нормы обычного права к российским законам. В таком виде необходимо было получить официальное признание, что позволило бы создать прочную базу в повседневной практике. Как будет видно далее, процесс затянулся на долгие годы. Последующие попытки прибегнуть вновь к депутатству как уже испытанному методу будут иметь в качестве одной из важнейших целей именно утверждение так называемых степных законов.

Третий этап (1829–1840-е гг.). Поскольку официального утверждения «Свода законов кочевых инородцев Восточной Сибири» не последовало, в среде якутской элиты вновь стала инициироваться идея посылки депутации на высшем уровне. Тем более, что удобный предлог был найден. На трон вступил император Николай I, и желание представиться новому императору выглядело правомерным. В 1830 г. Якутская степная дума организовала такую депутацию в составе князцов Григория Старостина, Николая Рыкунова и Егора Татаринова, которая, в конечном счете, так и не состоялась. Тем не менее весьма интересны обстоятельства организации депутации.

В 1829 г. на ходатайство Думы об организации депутации Сибирский комитет 10 декабря ответил отказом, но 26 декабря сам император Николай I дозволил отправить депутацию [8. С. 49], что очень показательно. Глава государства тем самым продемонстрировал, что он был открыт для общения с подданными-инородцами.

Депутация была снабжена следующими наказами, разработанными Якутской степной думой и получившими одобрение «семиулусного собрания» якутов Якутского округа в июле 1830 г.: утвердить «степные законы»; ревизии проводить областным начальником раз год, а не раз в два месяца членами земского суда; предоставить личные права за исполнение должностей; Якутскую степную думу объявить словесным судом третьей степени; казенные перевозки осуществлять как общественную повинность по контрактам; учредить вспомогательную кассу для якутов за счет средств Российско-Американской компании (10 тыс. руб., внесенные в 1822 г.); получение 14 тыс. руб., которые казна задолжала якутам за поставки на трактах, начиная с 1792 г.; исправление дорог за счет земских повинностей; предоставление якутам права содержать почтовую и обывательскую гоньбу в пределах Якутской области по торговым ценам [8. С. 50–52].

Если сравнивать перечисленные наказы с «Планом» А. Аржакова, видно, что на первый план вышли ходатайства экономического характера. Понятно, поскольку «Устав» 1822 г. узаконил практически общекрутский институт самоуправления — Якутскую степную думу, то в свое время была открыта школа для якутских детей, что удовлетворило политические и культурные запросы якутов. Так как правительство показало готовность признать хотя бы часть норм обычного права

сибирских инородцев, то на повестку дня встал вопрос об их кодификации.

Примечательно, что якутские областные начальники Н.И. Мягков, а затем и И.Н. Веригин поддерживали депутацию. К сожалению, дело отправки депутации затянулось до 1837 г. из-за доносов чиновников местного Земского суда, сложной экономической обстановки в области (засухи, неурожая, падежа скота) и смерти выбранных депутатов [8. С. 52–55].

Знаменитый «Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири», за который ратовали несколько поколений якутских депутатов включал 540 статей и состоял из шести разделов: I. О правах и обязанностях семейственных; II. О праве инородцев на имущество; III. О обязательствах; IV. О благочинии в инородческих стойбищах; V. О взысканиях и наказаниях; VI. О судопроизводстве [24. Л. 27–83].

Источниками для составления «Свода» послужили «показания» верхоленских бурятов, тунгусов нерчинских, якутов, «Степные уложения» селенгинских и хоринских бурят, местные проекты – Иркутский и Енисейский, «Устав о монголо-бурятском духовенстве», составленный в МИДе Российской империи, Указы Священного Синода, «Общее наставление» Ясачным комиссиям от 13 декабря 1827 г., Общий свод гражданских законов Российской империи др. Как видно, «Свод» представлял собой симбиоз русского законодательства, обычного права группы кочевых народов Сибири, а также духовные установления РПЦ и ламаистской церкви. Он стал плодом усилий русских властей и представителей кочевых инородцев Сибири. Важную роль сыграли депутации разного уровня. Это был пример открытого сотрудничества всех эшелонов власти имперских и инородческих. Официальное утверждение «Свода» по разным причинам затягивалось.

В этой связи интерес представляет одна из последних попыток возобновить депутацию, предпринятую представителями якутской элиты. Обратимся к содержанию документа, озаглавленного «Прошение родоначальников Якутских улусов на имя министра Государственных имуществ гр. П.Д. Киселева. Проекты улучшения экономического состояния населения. 1840 г.» [25. Л. 1–6]. Из заголовка видно, что якутские улусные головы решили действовать через одного из высокопоставленных сановников николаевского правительства графа П.Д. Киселева, чтобы он ходатайствовал перед царем о разрешении послать все же ранее не состоявшуюся депутацию. Как известно, возглавленное им министерство реформировало в те годы быт государственных крестьян. По замыслу же создателей «Устава» 1822 г. сибирские инородцы должны были постепенно приблизиться по юридическому статусу именно к государственным крестьянам.

Авторы «Прошения...» хотя более всего были озабочены экономическими проблемами (поставками по Охотскому тракту, созданием Якутского банка, изысканием средств для осушения болот и выпуска озер),

соглашаясь с приравниванием себя к правовому статусу государственных крестьян, просили установить жалование за исполнение обязанностей князцов. Не оставляя надежды на утверждение «Свода степных законов», они предлагают представить особые «пояснения» к некоторым нормам обычного права якутов. Наконец, авторы «Прошения...» просят отделить Якутскую область от Иркутской губернии по части отнесения земских повинностей. Они обеспокоены тем, что промышленно более развитые районы Иркутской губернии находились в более выгодном экономическом положении, чем аграрная Якутия. В целом в прошении отчетливо просматривается, во-первых, стремление якутской элиты построить инородческие потестарные структуры в государственную систему управления, во-вторых, повышение уровня ее юридической грамотности.

Как показали дальнейшие события, «Прошение...» осталось без последствий. Депутация так и не состоялась. Тем не менее, думается, что реформа, проведенная в середине столетия генерал-губернатором Н.Н. Муравьевым, в результате которой Якутская область получила известную самостоятельность, учитывала и идеи якутских депутатов. Тем более, что мы имеем еще один документ, как бы продолжающий события в истории якутских депутаций. Это «Записка кандидата улусного головы Егора Готовцева на имя генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева о состоянии Якутии о причинах, по которым область наша, в особенности Якутского округа, достигла той бедности, что с трудом оплачивает земскую повинность, ясак и другие налоги» от 10 июня 1848 г. [26. Л. 1–6]. Главной идеей текста является просьба о восстановлении Якутской степной думы (1827–1838 гг.). Автор указал на ошибки и слабые места при организации Думы и предлагает восстановить ее на новых основаниях. Кроме того, он вновь упомянул о необходимости издания «Степного уложения» и об изменении размеров земских повинностей для Якутской области в отличие от Иркутской губернии в целом.

В силу разных причин, в том числе и потому, что действовал «Устав» 1822 г., «Свод» так и не был утвержден. Общепринято мнение, что «Свод» перестал соответствовать социально-экономическому и культурному развитию кочевых народов Сибири, почему и отпала необходимость в его утверждении.

Тем не менее в изучаемый период можно говорить о становлении инородческого законодательства. В течение длительного времени накапливался обширный правовой материал. Правительство было в курсе о проблемах инородческого населения. Приезд депутаций был нормой управленческой практики и стимулировал выработку решений правительства. Издание законов также проходило в результате тщательного отбора и анализа поступивших предложений.

Правовой плюрализм сопровождался появлением весьма интересных и уникальных в своем роде юридических документов, например «Свода законов коче-

вых инородцев Восточной Сибири». В отличие от «Устава об управлении инородцев» 1822 г., который являл собой приспособление инородческих норм обычного права к русскому законодательству и имел целью приблизить образ жизни коренных народов

Сибири к образу жизни остальных жителей России, «Свод», по сути, был симбиозом двух форм права. На протяжении десятилетий его готовили, редактировали, обсуждали и в конце концов, победили противники правового плюрализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мионов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. Т. 1. 896 с.
2. Мионов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2015. Т. 2. 912 с.
3. Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / отв. ред. С.Г. Агаджанов, В.В. Трепавлов. М. : Славянский диалог, 1998. 416 с.
4. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М. : Традиция – Прогресс-Традиция, 2000. 344 с.
5. Левенталь Л.Г. Подати, повинности и земля у якутов // Материалы по обычному праву и общественному быту якутов. Л. : Изд-во АН СССР, 1929. С. 221–448.
6. Токарев С.А. Очерк истории якутского народа. М. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1940. 248 с.
7. История Якутской АССР : в 3 т. М. : Изд-во АН СССР, 1957. Т. 2. 418 с.
8. Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии : в 2 т. М. : Арт-Флекс, 2003. Т. 2. 448 с.
9. Иванов В.Н. Алексей Аржаков: «Сии размышления многие годы занимали душу мою». Якутск : ИГиПИМНС СО РАН, 2015. 135 с.
10. Павлова-Сильванская М.П. Социальная сущность областной реформы Екатерины II // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М. : Наука, 1964.
11. Анисимов Е.В. Императорская Россия. СПб. : Питер, 2011. 640 с.
12. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание 1. Т. 20. СПб., 1830. 1034 с.
13. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание 1. Т. 21. СПб., 1830. 1083 с.
14. Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН (АВ ИВР РАН). Ф. 11. Оп. 1. Д. 3.
15. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание 1. Т. 23. СПб., 1830. 1056 с.
16. АВ ИВР РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 3.
17. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 468. Оп. 43. Д. 541.
18. РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 231.
19. Иркутский край. Четыре века: История Иркутской губернии (области) XVII–XXI вв. / гл. ред. Л.М. Дамешек. Иркутск : Востсибкнига, 2012. 800 с.
20. РГИА. Ф. 759. Оп. 6. Д. 1019.
21. Прутенко С. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г. в строе управления Русского государства (историко-юридические очерки). СПб. : Типография А.С. Суворина, 1899. 435 с.
22. Пекарский Э.К. Материалы по якутскому обычному праву // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1925. Вып. 5. С. 660–706.
23. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 380.
24. РГИА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 366.
25. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (ПФА РАН). Ф. 161. Оп. 1. Д. 6.
26. ПФА РАН. Ф. 161. Оп. 1. Д. 5.
27. Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири: XIX – начало XX в. Иркутск : Изд-во ИГУ, 1986. 158 с.

Borisov Andrian A. Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia). E-mail: a_a_borisov@mail.ru

YAKUT DEPUTATIONS AND THE INDIGENOUS LAW AS ONE OF THE FEATURES OF POLICY OF RUSSIAN EMPIRE IN THE NORTH-EAST (THE END OF XVIII - THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY)

Keywords: the Russian Empire; North-East; deputations of Yakuts; aliens; legislation; “steppe laws”.

The purpose of the presented article is to consider the role of Yakut deputations in the formation of alien (*inorodcheskoe*) legislation (“steppe laws”).

We contribute the following tasks to achieve this goal: 1) to revise the former estimates of these trips which were interpreted as achieving the narrow corporate (class) interests of the Yakut elite, 2) to characterize the prerequisites and reasons for organizing the deputies, 3) to trace the stages in the development of this movement, 4) to test the thesis about the role of deputies in the formation of alien legislation. The research methodology is based on the concept of multiculturalism policy implemented in the Russian Empire. Legal pluralism became one of the peculiarities of ethnic-confessional policy of the Russian Empire. On the one hand, there was acting official state law, and on the other hand, there was a customary law.

The problematic field of research is in the historical and legal space and includes some categories related to the history of Russian legislation on the example of Yakutia.

The historical sources of research were the tsarist and Senate decrees, documents of local authorities, artifacts of Yakut customary law.

In the course of the research, the author came to the following conclusions. 1) It is very important that deputy trips from the local ethnic elites, in particular, from Yakuts had a major role in the creation of laws for Siberian aliens. The Yakut elite leaders came to the understanding that only a set of measures and, above all, the adoption of legally recognized “steppe laws” could serve as a guarantor of stable development of the Yakuts. 2) In article the history of yakut deputations was divided on three periods: the first, preparatory (1789–1811), the second, reformatory (1811 – the middle of 1820s), the third, the struggle for the establishment of “steppe laws” (1829–1840s). 3) The most important outcome of the trips was the formation of “steppe laws” body, known as “Code of nomadic aliens of Eastern Siberia”. On the agenda there was a question of establishment a proper set of laws for aliens, which would regulate all aspects of life of the peoples of Siberia. 4) Although the “Code” was not officially approved, but the practice of the relationship between the imperial government and aliens’ leaders demonstrates that the open mutual dialogue had been developing. There was the process of searching the optimum forms of governance that provides an invaluable historical experience.

REFERENCES

1. Mironov, B.N. (2014) *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [Russian Empire: from Tradition to Modernism]. Vol. 1. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
2. Mironov, B.N. (2015) *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [Russian Empire: from Tradition to Modernism]. Vol. 2. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
3. Agadzhanov, S.G. & Trepavlov, V.V. (eds). (1998) *Natsional'nye okrainy Rossiyskoy imperii: stanovlenie i razvitie sistemy upravleniya* [National outskirts of Russian Empire: the formation and development of the management system]. Moscow: Slavyanskiy dialog.
4. Kappeler, A. (2000) *Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya* [Russia as a multinational empire]. Translated from German by S. Chervonnaya. Moscow: Traditsiya – Progress-Traditsiya.
5. Levental, L.G. (1929) Podati, povinnosti i zemlya u yakutov [Taxes, duties and the land of the Yakuts]. In: Pavlinov, D.M., Vitashevskiy, N.A. & Levental, L.G. *Materialy po obychnomu pravu i po obshchestvennomu bytu yakutov* [Materials on customary law and public life of the Yakuts]. Leningrad: USSR AS. pp. 221–448.
6. Tokarev, S.A. (1940) *Ocherk istorii yakutskogo naroda* [An Essay on the History of the Yakut People]. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo.
7. Tokarev, S.A. (ed.) (1957) *Istoriya Yakutskoy ASSR. V 3-kh tomakh* [History of Yakut ASSR. In 3 vols]. Vol. 2. Moscow: USSR AS.
8. Basharin, G.P. (2003) *Istoriya agrarnykh otnosheniy v Yakutii v 2-kh tomakh* [The history of agrarian relations in Yakutia. In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Art-Fleks.
9. Ivanov, V.N. (2015) *Aleksey Arzhakov: "Sii razmyshleniya mnogie gody zanimali dushu moyu"* [Alexey Arzhakov, "These reflections have occupied my soul for many years"]. Yakutsk: SB RAS.
10. Pavlova-Silvanskaya, M.P. (1964) Sotsial'naya sushchnost' oblastnoy reformy Ekateriny II [The social nature of Catherine II's regional reform]. In: Druzhinin, N.M. (ed.) *Absolutizm v Rossii (XVII – XVIII vv.)* [Absolutism in Russia (the 17th – 18th centuries)]. Moscow: USSR AS.
11. Anisimov, E.V. (2011) *Imperatorskaya Rossiya* [Imperial Russia]. St. Petersburg: Piter.
12. Russia. (1830a) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii s 1649 goda* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire since 1649]. Vol. 20. St. Petersburg: 2nd Department of H.I.M. Own Chancery.
13. Russia (1830b) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii s 1649 goda* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire since 1649]. Vol. 21. St. Petersburg: 2nd Department of H.I.M. Own Chancery.
14. The Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. Fund 11. List 1. File 3.
15. Russia. (1830c) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii s 1649 goda* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire since 1649]. Vol. 23. St. Petersburg: 2nd Department of H.I.M. Own Chancery.
16. The Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. Fund 11. List 1. File 3.
17. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 468. List 43. File 541.
18. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1286. List 1. File 231.
19. Dameshek, L.M. (ed.) (2012) *Irkutskiy kray. Chetyre veka: Istoriya Irkutskoy gubernii (oblasti) XVII – XXI vv.* [Irkutsk region. Four centuries: History of Irkutsk province (region) in the 17th – 21st centuries]. Irkutsk: Vostsibkniga.
20. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 759. List 6. File 1019.
21. Prutchenko, S. (1899) *Sibirskie okrainy. Oblastnye ustanovleniya, svyazannye s Sibirskim uchrezhdeniem 1822 g. v stroe upravleniya Russkogo gosudarstva (istoriko-yuridicheskie ocherki)* [Siberian outskirts. Regional regulations related to the Siberian institution of 1822 in the Russian state management structure (historical and legal essays)]. St. Petersburg: A.S.Suvorin.
22. Pekarskiy, E.K. (1925) *Materialy po yakutskomu obychnomu pravu* [The materials on the Yakut common law]. In: Vladimirtsov, V.K. et al. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Vol. 5. Leningrad: USSR AS. pp. 660–706.
23. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1264. List 1. File 380.
24. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1261. List 1. File 366.
25. The St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 161. List 1. File 6.
26. The St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 161. List 1. File 5.
27. Dameshek, L.M. (1986) *Vnutrennyaya politika tsarizma i narody Sibiri: XIX-nachalo XX v.* [Internal politics of tsarism, and the peoples of Siberia: the 19th – early 20th centuries]. Irkutsk: Irkutsk State University.